

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ОДИН СРЕДИ
«ТИГРОВ»

Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть

Сергей Зверев

Один среди «тигров»

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Один среди «тигров» / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2021 — (Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть)

ISBN 978-5-04-158188-6

Летом 1943 года немцы попытались взломать нашу оборону под Курском, но Красная армия стояла насмерть. Группе фашистских танков все же удалось прорвать линию обороны и напасть на штаб и обозы. Для ликвидации прорыва срочно формируется танковый отряд под командованием лейтенанта Алексея Соколова. Он – опытный танкист и понимает, что большими силами атаковать противника нельзя: немцы засекут передвижение и уйдут из-под удара. Нужно действовать скрытно, из засады. Поначалу план Соколова срабатывает: он уничтожает немецкие танки один за другим. Но неожиданно ситуация меняется. Экипаж Алексея остается один против нескольких «тигров»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158188-6

© Зверев С. И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Иванович Зверев

Один среди «тигров»

© Зверев С.И., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

– Ну, давай, Алексей. – Комбат обнял Соколова, потом отстранился, как обычно, заглядывая ему в глаза, и хлопнул по плечу. – Уверен в тебе, не подведешь. По прибытии доложи лично комдиву Островерхову.

– Не подведу, Василий Осипович! – Алексей улыбнулся. – Пока мы живы, враг не пройдет!

Это были простые и даже в какой-то мере привычные слова, вроде ритуала. Сколько месяцев уже Соколов в составе своего батальона сражался с фашистами? И в отрыве от батальона... И комбата Никитина он знал уже больше года. Невысокий, коренастый, энергичный, он всегда и во всем был примером для своих танкистов. Соколов не раз слышал шутки, повторяемые за комбатом, и в разговорах частенько проскальзывали его характерные выражения.

А сколько раз Соколов наблюдал такое: вымотанные долгими маршами танкисты прибывают на позицию и начинают из последних сил рыть танковые окопы. Кажется, что сил не осталось совсем, многим хочется просто упасть и закрыть глаза, не думая ни о чем. Но тут появляется комбат. Веселый, резвый, как будто и не было ни тяжелого боя, ни марша по бездорожью, ни двух бессонных ночей. И сразу у людей загораются глаза – от каждой шутки комбата, от его теплого слова. Посмеиваясь, комбат берет лом или штыковую лопату и начинает копать наравне с экипажем. И дело спорится. Он переходит от окопа к окопу, подбадривает каждого, хвалит и беззлобно подшучивает над теми, кто уже не держится на ногах. И у людей открывается второе дыхание.

А еще майора Никитина танкисты боготворили за то, что он воевал и командовал умело. В его батальоне было меньше всего потерь. В бою он находил выход из самых безвыходных ситуаций и необычные, непредсказуемые для врага решения. Он первым бросался туда, где было труднее и опаснее всего. Ротные и взводные командиры хорошо знали тот самый взгляд комбата, когда он давал сложное задание, а потом бросал этот самый взгляд в глаза командиру подразделения, будто хотел разглядеть самое важное. Готов командир, понял задачу, дух его силен – значит люди за ним пойдут. Этот победит и не отступит. И всегда хотелось в ответ на взгляд Никитина ответить собственным уверенным взглядом, расправить плечи и бодро отрапортовать, что приказ будет выполнен.

В роте Соколова оставалось всего восемь машин, включая его командирский «Зверобой». Увидев спешащего ротного, командир первого взвода старший лейтенант Звягинцев приказал экипажам построиться и вышел вперед с докладом. Но Алексей остановил его и велел встать в строй.

Говорить много не стоило. Каждый танкист понимал обстановку на фронте, каждый рвался в бой и знал, что сегодня утром они отправятся поддерживать стрелковые части. Машины готовили на совесть, старались выполнить свою работу как можно лучше. Поэтому Соколов поставил обычную задачу на марш и порядок следования машин. Но в конце он все же решил добавить:

– Товарищи, бои будут серьезные. Враг никак не смирится с тем, что теряет инициативу. Красная Армия становится сильнее, у нас появляется много новой техники и вооружения, растет мастерство. Но это не значит, что нам будет легче воевать. Враг будет сражаться как бешеный, он озлобился, что его планам не суждено сбыться. Наша задача – выстоять в любых условиях и продолжать уничтожать фашистов.

Танкисты отправились заводить машины, в последний раз проверять моторы, боеприпасы, оружие.

Соколов подумал о тех словах, которые только что вырвались у него перед строем подчиненных. Ведь он и о себе говорил. Сейчас, по истечении двух лет войны, он идет в бой с

другими чувствами, не как в июне 41-го. У него прибавилось уверенности в себе и в своих командирах. Два года назад он бросался в бой, как в последний раз. Да так и было, потому что в тех боях потери были просто невыносимыми. И хоть Алексей был уже опытным командиром, настоящая война ему не была еще привычна, странно было видеть столько смертей и столько горя.

Сидя в люке «Зверобоя», Соколов думал о войне и о своих товарищах. О том, сколько он уже потерял друзей и какие потери несла его рота. А ведь чувствовалось, что вот-вот в войне наступит перелом. Фашисты теряли темп, все чаще переходили к обороне, а Красная Армия становилась все сильнее. Сколько уже нанесено ударов, которые враг не смог выдержать! И под Ржевом, и до этого под Сталинградом... Еще немного, и погоним его назад! И тогда, если повезет, танки роты Соколова войдут в белорусский городок Мосток. И тогда, может быть, он увидит на улице, среди встречающих родную армию жителей городка, Олю. Как же Алексею этого хотелось! Именно вот так, сидя на броне, увидеть ее, и чтобы она увидела и узнала его...

Пушечный выстрел прогремел над лесом. Соколов сдвинул шлемофон на затылок и прислушался. Точно, орудейный выстрел. И тут же ударили еще несколько, один за другим. А ведь до передовой, куда следовала колонна Соколова, было почти сорок километров. Вытащив из планшета карту, он развернул ее перед собой на краю люка. Вот рокада, по которой идут его танки, а вот изгиб линии фронта на юго-западном фланге. Лесной массив с обилием просек и грунтовых дорог немного не доходит до шоссе. Звуки боя могли означать появление немецкого десанта, хотя Алексей не слышал после 41-го года, чтобы немцы выбрасывали парашютистов для решения тактических задач. Но тогда остается думать, что в советский тыл прорвалась вражеская часть.

– Внимание всем, я – «Зверобой». К бою! Атакуем с ходу! Делай, как я!

Бабенко свернул с шоссе. Танк «клюнул» стволом вниз, съехал на грунтовку и снова набрал скорость. Алексей оглянулся и стал наблюдать, как три взвода танк за танком съезжали на лесную дорогу. Не видя боя, не зная, сколько немцев оказалось в тылу, Соколов тем не менее решил, что, скорее всего, вражеские танки атаковали колонну на дороге. Значит, двигаясь по лесной дороге, а потом по квартальной просеке свернув вправо, он кратчайшим путем выведет свои танки прямо в тыл врага.

– Василий Иванович, – переключившись на связь ТПУ, позвал Соколов наводчика Логунова. – Выйдем на открытое пространство и замрем на месте. Если там вражеские танки, то первые три бей только броней. Немцы не сразу должны понять, что их атаковали с тыла. Главное – в первые минуты боя нанести как можно больше потерь. А потом, когда рота развернется для атаки, выберешь цели и будешь бить по ним фугасными – они дают много шума и огня.

– Понял, командир, – отозвался Логунов.

Танки шли по лесной дороге, выдерживая дистанцию в 50 метров. Соколов, сдвинув шлемофон с одного уха, прислушивался к звукам боя, которые становились все громче. Теперь он различал и винтовочные выстрелы, и пересыпь пулеметных очередей. Били и наши «Максимы», и немецкие MG. Молодой командир понимал риски для своего подразделения. Докладывая по рации комбату, что впереди, по пути следования роты, идет бой, он здраво оценивал ситуацию. Наверняка фашистов больше, и у них не только численное преимущество. Соколов даже не представлял, с какими силами он сейчас столкнется. Но важно было другое: враг прорвался в тыл советских частей, он атаковал, и там гибнут советские люди. Врага нужно остановить и уничтожить. И его танкисты сделают все возможное. Если надо, то и умрут. Но враг дальше не пройдет.

«Зверобой» первым вырвался на открытое пространство на опушке леса. И то, что увидел Алексей, заставило его стиснуть зубы от гнева и ненависти к врагу. На шоссе горели грузовики, лежали тела убитых красноармейцев и лошадиные трупы, перевернутые гужевые

повозки, полевые кухни. Все это было разбросано в беспорядке. Немцы атаковали неожиданно, это было ясно. Горели три танка «Т-20». Еще несколько машин отошли за насыпь и маневрировали, били по немцам.

Но самым впечатляющим было другое. Путь вражеским танкам, которых Соколов насчитал около тридцати, преграждали два советских «КВ». Один, похоже, с поврежденной ходовой частью, стоял неподвижно, его башня поворачивалась, орудие посылало снаряд за снарядом. Искры летели от брони, когда в нее попадали немецкие бронебойные снаряды, но танк жил и продолжал стрелять. А второй «КВ» маневрировал и постепенно смещался влево от дороги, не давая атакующему врагу подойти к колонне с тыла.

Соколов мгновенно охватил опытным взглядом все поле боя. Несмотря на внезапность атаки и потери в колонне, немцам так и не удалось подойти и уничтожить обороняющихся советских солдат. Пять фашистских танков стояли в поле неподвижно, два при этом горели. Еще около тридцати немецких машин пытались обойти дорогу справа и слева, но два советских «КВ» держали их своими пушками на приличной дистанции чуть меньше километра. Несколько бронетранспортеров, изрыгая пулеметный огонь, пытались подойти к дороге, прикрывая автоматчиков, но немецким солдатам, намеревавшимся добраться до поврежденного «КВ», это сделать не удавалось.

– Огонь! – приказал с ледяным спокойствием Соколов.

Через несколько секунд стоявший на опушке «Зверобой» выстрелил. Первым же снарядом Логунову удалось поджечь фашистский танк, попав ему в моторный отсек. Рядом выходили из леса и вставали в ряд другие танки роты, каждый тут же открывал огонь. Через несколько минут остановились и начали дымить девять вражеских машин. И только тогда немецкий командир понял, что по его танкам бьют не с дороги, а с другой стороны.

«Тридцатьчетверки», взревев двигателями, пошли вперед. «Зверобой» и три танка первого взвода продолжали бить бронебойными, остальные стреляли осколочно-фугасными по пехоте фашистов, по бронетранспортерам, усиливая панику, создавая огненный хаос. Мощный «КВ» и четыре «Т-20», вывернувших из-за насыпи на шоссе, тоже пошли в атаку. За ними стали подниматься красноармейцы, над полем поднялся мощный многоголосый клич «ура!».

Два снаряда угодили «Зверобойю» в башню, но наклонная броня выдержала, только искры полетели. Пулеметы «тридцатьчетверок» били по врагу не переставая. Огненный фонтан взрыва опрокинул на бок немецкий бронетранспортер, Еще один вспыхнул, как факел, и от него стали разбегаться объятые пламенем фашисты. Многие полегли под гусеницами советских танков, и их дымящиеся обезображенные трупы остались позади.

Полтора десятка немецких танков сумели отойти к лесу и скрылись, уйдя на максимальной скорости по лесным дорогам. Соколов переключился на внешнюю связь.

– «Зверобой», я – «Двенадцатый»! – послышался голос Никитина. – Доложить обстановку!

– «Двенадцатый», враг силами батальона танков и двух батальонов мотопехоты атаковал колонну на шоссе. Мы успели вовремя, атака отбита. Враг понес существенные потери в танках, пехота полностью уничтожена. До полутора десятков танков ушли в лес в юго-западном направлении. У меня поврежден один танк, чиним его своими силами. Разрешите преследовать врага?

– Отставить, «Зверобой». Выполнять основную задачу. Ваш район блокируется силами танкового корпуса. В воздух поднимаются штурмовики.

– Есть, «Двенадцатый». Понял вас, выполнять основную задачу.

Отключившись, Соколов выбрался из люка на броню танка и увидел, что к «Зверобойю» подлетела запыленная «Эмка». Из машины показался подполковник с забинтованной левой рукой, на бинтах проступила свежая кровь. Подполковник сдвинул фуражку на затылок и посмотрел на Соколова.

– Ну, танкист, не знаю уж, каким богам молиться, может, и тебе самому. Спас, лейтенант, просто спас колонну!

– Да я-то что, – улыбнулся Алексей, спрыгнув с брони и пожав руку подполковнику. – Сюда танковый корпус идет, им все равно конец. А спасли вас вот те два «КВ». Они основной удар выдержали.

– Это точно! – Лицо подполковника помрачнело. – На одном насчитал двадцать восемь попаданий бронебойных снарядов. Еще немного, и раскатали бы нас здесь. Спасибо тебе, лейтенант, спасибо от всех, кто выжил. Давай, двигай по своим делам, а мне колонну надо собирать. Я ведь теперь там самый старший по званию.

Соколов подошел к экипажу, чинившему гусеницу. Командир танка, молодой сержант, вытянулся и принялся докладывать о состоянии машины, но Алексей остановил его.

– Торопитесь, через пятнадцать минут рота должна двинуться в соответствии с приказом.

– Успеем, товарищ лейтенант, – бойко отозвался танкист.

Соколов посмотрел в поле, где по его приказу несколько танкистов осматривали убитых немцев и поврежденную вражескую технику. И вдруг он осознал, что возле подбитого бронетранспортера что-то случилось. Его ребята схватились за автоматы, а потом под руки выволокли из-под обломков человека, судя по форме, офицера. Пока пленного вели к командиру, Алексей сумел разглядеть, что это немец. Невысокий, с тонкими губами и орлиным носом. Но сейчас этот человек не выглядел орлом. Лицо офицера выражало растерянность и недоумение. По поводу чего он недоумевал? Удивился, что его захватили в плен? Или что русские не разбежались, побросав оружие и технику? Нет, подумал Соколов, приглядываясь. Не растерянность, не досада и не разочарование написаны на лице фашиста. А страх. Боится немец, очень боится, что распаленный боем, понесший большие потери русский командир прямо здесь, возле дороги, шлепнет его в кустах со злости.

– Вот, товарищ лейтенант, живой оказался, – доложил заряжающий из первого взвода, тыкая стволом «ППШ» пленного под ребра. – Идем, а он там шевелится, кашляет. Приложило его крепко, видать.

Танкисты быстро обыскали пленного. Кобура на его ремне оказалась пустой. Наверное, когда подбили его бронетранспортер, офицер потерял свой пистолет. В карманах у немца, кроме документов, почти ничего не оказалось, лишь сигареты, зажигалка, носовой платок и наручные часы с разбитым стеклом. Соколов открыл удостоверение и вслух зачитал:

– Гауптман Карл Тапперт.

Немец опустил голову. Нацеленные ему в живот автоматы не внушали оптимизма. Наверняка этот гауптман ожидал, что русский молодой командир просто махнет рукой, типа «не нужен», и прямо возле ближайшего танка его пристрелят и бросят распухать и гнить. Он и сам так не раз поступал с пленными русскими – просто отмахивался небрежно и раздраженно, и тех отводили в сторону и убивали. Просто так, чтобы не заниматься конвоированием, не выделять для этого солдат, не отправлять пленного в штаб. Лишние заботы никому не нужны.

– Гауптман Тапперт, – по-немецки заговорил Соколов. – Вы командир пехотного батальона, который участвовал в этом бою. Какова цель прорыва в наш тыл вашей группы?

– Разведка, – нехотя ответил немец. – Определение ваших сил, системы обороны, поиск слабых мест.

– Ваша задача – нападение на небольшие подразделения Красной Армии и штабы и захват пленных?

– Да, именно так.

– Где находится место прорыва? Как вы прошли в наш тыл?

– В десяти километрах южнее селения Ново-Беляево, – помедлив, ответил пленный. – Ваши части пошли в наступление, а нашу группу оставили на фланге полосы наступления. Мы сбили боевое охранение и ушли к вам в тыл. На общем фоне нашего прорыва никто не

заметил, нас не преследовали. Назад мы должны были прорываться в районе Шебекино или в другом месте на усмотрение командира, в зависимости от ситуации. Но нам велели не спешить с возвращением.

Последнюю фразу немец проговорил тихо и после длительной паузы, как будто не хотел признаваться, но все же решился. Соколов догадался, что немец будет выторговывать себе жизнь. Если его не пристрелят здесь, на поле боя, то когда его передадут в штаб, там точно расстреливать не станут.

– Не спешить? – переспросил удивленный Соколов. – Как долго вы собирались воевать в нашем тылу без поддержки основных сил вермахта? Мы разбили и фактически уничтожили вашу группу ударом всего одной танковой роты! На что рассчитывало ваше командование?

– На всеобщее наступление, – тихо ответил гауптман и выразительно посмотрел в глаза русскому командиру.

– Какое наступление? – с нажимом спросил Алексей. – Отвечайте, черт возьми! О каком наступлении идет речь?

– Операция «Цитадель». На этом участке фронта силами войск группы армий «Юг» должен быть нанесен удар на южном фланге обороны ваших войск в районе Курска и охватом с севера войсками группы армий «Центр».

– Что?! – Соколов уставился на немца, не понимая, то ли поверить ему, то ли отнестись к его словам как к попытке вымолить себе жизнь.

Ситуацию на Курском выступе Алексей примерно знал из совещаний и из рассказов комбата. Мысль о том, что немцы могут предпринять такой план, напрашивалась сама собой – слишком уж заманчиво наши войска расположились с точки зрения охвата, окружения и уничтожения. И если верить этому гауптману, тогда объясняются и попытки проведения таких вот рейдов, разведок боем с целью выяснения готовности советских войск к обороне на важных направлениях. А если не готовы? Если немцы успеют первыми? Снова катастрофа, как в 41-м, и опасность для столицы?

– Омаев, связь! – крикнул Соколов. – Пленного – на броню! Приготовиться к выходу!

В штабе стрелковой дивизии, обороняющей участок фронта в районе Малахова, собрались представители 5-й танковой армии и штаба фронта. Соколов сильно волновался. И не потому, что робел перед старшими по званию. Он очень боялся услышать, что советская армия не готова, что немцы русских опередили и что нужно теперь лечь костями, остановить врага голыми руками, любой ценой, во что бы то ни стало. И еще больше он боялся услышать слово «отступление». Услышать и не сдержаться, крикнуть в лицо генералам, что они второй год воюют, а так и не научились стратегически мыслить...

Но совещание проходило совершенно в другом направлении и с другими интонациями. Всего в кабинете собрались восемь полковников и один генерал-майор, не считая Соколова, пленного немца и, конечно же, переводчика. Командир дивизии полковник Островерхов коротко доложил, что сегодня утром недалеко от села Воскресенск произошел бой с прорвавшейся немецкой моторизованной группой, усиленной танками. Понесли потери маршевая колонна и тыловые службы 134-го стрелкового полка и 86-й танковой бригады. Но в целом эти потери не повлияют на систему обороны на участке дивизии.

– Какая это по счету группа, Дмитрий Павлович? – спросил генерал.

– Третья за последнюю декаду. В среднем попытки прорваться в наш тыл и провести разведку боем немцы предпринимают раз в три дня.

– А на участке соседей? – генерал повернулся к командиру корпуса полковнику Сергиенко.

– За последнюю неделю уничтожены две такие группы, товарищ генерал.

Соколов слушал и терялся в догадках. Оказывается, немцы регулярно и весьма настойчиво пытаются самыми активными способами прощупать советскую оборону! В голове молодого лейтенанта складывалась стратегическая картина немецкого наступления. А командование сидит и считает количество немецких групп...

Генерал выслушал доклады командиров, кивая с довольным видом. Потом он поднялся, велел увести пленного немецкого офицера и подошел к стене, где висела карта Курского выступа без каких бы то ни было пометок, указаний позиций и наименований частей и подразделений. Просто схематичная карта линии фронта по состоянию на 1 июля 1943 года.

– Разрешите, товарищ генерал!

Алексей поднялся со своего стула, откашлялся и одернул под ремнем гимнастерку. Командиры с интересом посмотрели на молодого танкиста.

– Да. – Генерал обернулся и кивнул. – Вы что-то хотели добавить, товарищ лейтенант?

– Так точно, – волнуясь, заговорил Соколов. – Я писал в своем рапорте обо всех подробностях того боя и о результатах беглого допроса пленного гауптмана Тапперта.

– Разумеется, – чуть усмехнулся генерал. – Все присутствующие ознакомились с вашим рапортом. Очень толковый документ. Вы прекрасно описали тактику противника и ход боя. И сама организация атаки вашей роты выше всяких похвал. Представление к награждению уже готовится.

– Я не о награждении, – досадливо нахмурился Соколов. – В рапорте я писал о сведениях, которые дал пленный, о готовящемся большом наступлении с двух сторон на Курский выступ. Он даже назвал кодовое имя операции – «Цитадель».

– Ах, вот в чем дело. – Генерал засмеялся. – Понимаю, что вас беспокоит. Вот, товарищи! У лейтенанта уже просыпается стратегическое мышление! Хорошую мы с вами воспитываем смену! Видите ли, Соколов, о планирующейся фашистами операции мы осведомлены, и довольно давно. Надеюсь, мне не нужно вам напоминать, что все услышанное на этом совещании является военной тайной?

– Как и любые сведения, касающиеся дислокации советских частей, планов, технического состояния, численности и характере вооружения, – привычно процитировал Алексей положение о сохранении военной и государственной тайн военнослужащими.

– Вот именно, – одобрительно кивнул генерал. – Разведка работает. И вот такие рейды, как этот, – лишь попытка врага понять, готовимся мы к их операции или нет и насколько мы осведомлены. Но хочу вам сказать, товарищ лейтенант, что знание нами планов врага не умаляет опасности и сложности предстоящих событий. Фашисты сосредоточили на этом участке фронта огромные силы. Здесь все прославленные танковые соединения, асы, матерые командиры, прошедшие и Европу, и Африку.

– Ну в Африке-то они получили по первое число, – улыбнулся Островерхов.

– Получили, – согласился генерал. – Но мы с вами понимаем, что бесполезного опыта не бывает. Опыт набираются и во время удачных операций, и во время неудачных. Разгромленный генерал опытнее того, который в боях не участвовал. Роммель многому научился в Тунисе и Алжире, и его офицеры тоже. Мы уже видели его танки с песчаной окраской на наших фронтах. Перебрасываются спешно, даже не успевают перекрасить свои машины. Так что, Соколов, противник у вас будет серьезный, но как вы умеете его бить, мы уже видели. Вас, кажется, направили на усиление позиций к полковнику Островерхову? Ну что же, пожелаю вам успеха! Несмотря на то что у вас за спиной будет мощная глубоко эшелонированная оборона, отступать у вас права нет. Стоять, стоять насмерть! Помните, что это наша земля, и ни пяди ее мы не можем отдать врагу! Измотать, нанести потери фашистам, а потом перейти в контрнаступление и отбросить его на сотни километров отсюда. Переломить наконец-то хребет подлому агрессору! Вот ваша основная задача в обороне, товарищ лейтенант.

Отрыть танковый окоп, рядом устроить блиндаж для экипажа, вырыть водосборный колодец, натянуть маскировочную сеть над корпусом. Для экипажа это работа почти на 7–8 часов. За столь короткий срок нужно отрыть и разбросать больше 25 кубометров земли. Командиру танка необходимо еще и составить танковую карточку, куда графически заносятся азимуты, основные ориентиры, танкоопасные направления, откуда можно ждать противника, и пути для перехода танка в контратаку. А командир взвода составляет огневую карточку на взвод. Для каждого танка и взвода определяется ответственный сектор стрельбы и дополнительный. Все это согласуется с общей системой обороны подразделения или части.

Соколов шел по позициям, заглядывая к каждому экипажу. Люди были вымотаны до предела. Длительный ночной переход по пересеченной местности, бой, потом снова переход, затем обустройство позиций.

Танки занимали оборону на правом фланге одного из полков. Место было сложное: перед окопами полка возвышались несколько небольших холмов, а между ними пролегали «залесенные» низинки. Шоссе в трех километрах позволяло быстро перебросить и развернуть перед позициями полка значительные силы. На танкоопасном направлении были установлены орудия на прямой наводке. На закрытых позициях – дивизион гаубиц.

Обходя свои взводы, Алексей подробно обсуждал с каждым командиром его действия при различных изменениях на поле боя. Танки закапывались с возможностью ведения огня в условиях круговой обороны.

Солнце клонилось к закату, когда танковая рота Соколова подготовила свои позиции. На командном пункте полка Алексей с удивлением увидел командира дивизии. Тот кивнул, оторвавшись от карты.

– Ты как, Соколов? Позиции готовы?

– Так точно, товарищ полковник. – Алексей бодро отрапортовал, хотя его еле держали ноги. Сейчас ему больше всего хотелось хотя бы присесть. – Позиции готовы в соответствии с боевым уставом.

– Ну устав уставом, а завтра с утра многое предстоит решать, опираясь на опыт. Не всегда устав – помощник.

– Завтра надо ждать наступления немцев? – догадался Алексей.

– Да, – кивнул полковник. – Так что люди твои пусть отдыхают, подъем до рассвета и полная готовность. Учти, что тебе придется воевать не только на тех позициях, которые ты подготовил. Ты – подвижный резерв полка. В любой момент твоя броня и твой огонь могут понадобиться в любой точке на любом участке обороны. Так, майор?

– Так, – кивнул командир полка. – Изучив подходы, могу сказать, что враг не будет действовать примитивно и бить четко в лоб. Он будет копить силы, маневрировать и нащупывать слабые участки на позициях полка. Так что, Соколов, у меня на тебя серьезные виды.

– Я понял, товарищ майор, – ответил Алексей. – Не подведу.

– Знаем, что не подведешь, – улыбнулся Островерхов. – Я Сергею Сергеевичу про тебя рассказывал. Ты еще в сорок первом отличился, когда взводом командовал и прикрывал отход наших войск. Потом под Воронежем, под Сталинградом...

– Ну удачи вам! – Полковник поднялся и протянул руку. – Держитесь. Вцепитесь и держитесь. И бейте. Сейчас задача только в этом: стоять и уничтожать.

Экипаж «Зверобоя» сидел в окопе, отрытом по всем правилам фортификационной науки. «Ну вот и порядочек», – заключил Логунов и полез в карман за кисетом. Закуривать, кроме старшины и механика-водителя, было некому. Коля Бочкин не курил до войны, да и на фронте не выучился. Не курил и Руслан Омаев как истинный горец. Но посидеть всем вместе, в тишине, чувствуя, как ноют мышцы после тяжелого труда, было приятно. Даже не разговаривая, а просто наслаждаясь отдыхом и минутами затишья.

– Командир-то с нами будет жить или на КП полка? – солидно осведомился Бочкин.

– Где бы ни ночевал наш лейтенант, – ответил Логунов, – держать для него специально лежанку положено... Или ты на его место нацелился?

– Да я так просто, – хихикнул заряжающий. – На его долю лапника натаскать?

– Я тут недалеко копну видел, – подсказал Бабенко, и все сразу с интересом посмотрели на него. – Жиденькая такая копешка, но на пятерых хватит. Уж больно на лапнике неудобно лежать. Я понимаю, что на жердях без лапника еще хуже, но...

– Как же пехота про копну не узнала? – насторожился Логунов. – Ладно, под мою ответственность, Семен. Дуйте с Русланом за сеном. А мы с Колей пока брезент на входе закрепим и соорудим коптилку.

По уставу в боевой обстановке механику-водителю и наводчику отлучаться от танка запрещено, но Логунов прекрасно понимал, что никакой атаки сейчас со стороны немцев не будет. Да и командир роты придет не скоро. Пока они там, на КП полка, все разговоры переговоят, пройдет не меньше часа.

Бабенко с Омаевым возвращались со второй порцией сена, когда их окликнул какой-то солдат:

– Эй, гвардейцы, что это вы таскаете? Сено, что ли? Никак, корову с собой на буксире за танком привели?

– Борщ из щавеля будем варить, – отозвался механик-водитель.

– Ну-ну, сказочники! – ухмыльнулся солдат и вдруг остановился, взглядываясь в лицо Бабенко.

Когда танкисты прошли мимо него с завернутым в брезент сеном на плечах, он шагнул следом. Голос пехотинца изменился. Теперь он не балагурил, а глаза его стали серьезными.

– Семен?.. Сенья... Бабенко!

Механик-водитель обернулся, медленно опустил свой тюк на землю и пригляделся. Солдат был старше него лет на десять. Что-то неуловимо знакомое было в его лице, взгляде, голосе, интонациях. Война? Завод в Харькове? Институт? Нет, нет... А солдат тем временем подошел вплотную и посмотрел танкисту в глаза.

– А ты не изменился, Сенька, – тихо и с грустью сказал солдат. – Повзрослел, конечно, вон седина в висках. Но сам все такой же, как и мама твоя. Всегда вы обо всех заботитесь, всем стараетесь помочь. Смотрю, вот и сейчас сено несешь. На лежанку своим товарищам?

– Остап! – узнал наконец солдата Бабенко. – Вот так встреча! Я бы тебя сам не узнал. Ты вот изменился за эти годы.

– Да не, я все тот же, – резко рубанул рукой Остап. – Говорю, что думаю, делаю, что считаю правильным. Меня и на фронт брать не хотели. У меня же ранение было, помнишь? А потом, когда в Москву перебрался, в ополчение попал. И нашу часть после двух месяцев боев перевели в состав кадровой. Вот так... А ты, я смотрю, в танкистах? Так техникой и увлекаешься?

– Слушай, Остап, – Бабенко взялся руками за пуговицу на гимнастерке собеседника, – ты у своего командира, может, и отпросишься. А я механик-водитель, мне нельзя отлучаться. И так нарушил, отлучившись за сеном.

– Хорошо, – согласился земляк. – Где твой окоп? Я через часок приду. Посидим, побалакаем.

Бабенко вернулся к своему танку и долго стоял в окопе перед бруствером, глядя на нейтральную полосу впереди. Логунов понимал, что с Семеном что-то творится, но подходить не стал. Бабенко был всегда человеком открытым и общительным, разговаривать с ним было легко и просто. Он сам расскажет, что у него на душе, что его беспокоит. Но сейчас Бабенко стоял в стороне от друзей и молчал, глядя вдаль. Такого за ним раньше не водилось.

– Василий Иванович, – Бабенко наконец подошел к командиру танка, – слушай, тут ко мне земляк придет сейчас. Ты не против, если мы посидим в сторонке, пообщаемся? Больше двадцати лет не виделись. Он даже матушку мою знал. Соседями были в поселке, где я рос.

Логунов вытащил из-под брезента, которым была застелена его постель на лежанке, фляжку, потряс ею в воздухе, прикидывая, сколько в ней содержимого, и протянул ее Бабенко.

– Держи. Только не увлекайтесь – завтра подъем до рассвета, бой будет нештучный. Там тушенка есть, хлеб, лук. Возьми, если надо.

Остап пришел, когда начало темнеть. Они уселись под бруствером на пустые патронные ящики, плеснули в котелок водки и молча выпили. И только потом, закусив луком и тушенкой прямо с ножа, начали говорить. Закурили.

– Я знал, что ты так и пойдешь по технической линии, – начал Остап. – Тебя и в поселке все к тракторам тянуло да к генератору. Где работал-то эти годы?

– Сначала в Харькове в артели по слесарному делу. Потом учиться пошел, окончил институт. А перед войной уже работал на харьковском заводе инженером-испытателем.

– Ух ты! – улыбнулся в темноте Остап. – Это где «тридцатьчетверки» делали? Ну ты молодец, добился своего! А на фронт, значит, добровольцем пришел? Небось отпускать не хотели с завода, бронь давали?

– Так и есть, – кивнул Бабенко. – Завод эвакуировали, сколько смогли, а я – на фронт... Я в тридцать пятом приезжал, когда матушку хоронили, но тебя уже не было. Ты как? Женился, есть ли дети? Работал где?

– Я-то? – Остап затянулся в последний раз «козьей ножкой», бросил окурок на землю и затоптал его каблуком сапога. – Я, брат, учительствовать хотел, да меня по партийной линии стали выдвигать – мол, надо воспитывать молодежь. В Москву посылали учиться на партийные курсы, а после них я по распределению попал на Урал... Скажи, Семен, ты про Оксану ничего не слыхал?

Остап задал вопрос поспешно, как будто боялся, что забудет его задать. И эта поспешность поразила Бабенко. И сразу ему стало понятно, о какой Оксане идет речь. Нахлынуло, защемило в груди, а ведь не вчера дело было. Два десятка лет с хвостом прошло, а все, оказывается, живо еще. Семен думал, вспоминал. Мысли всякие были на этот счет, но он понимал, что не нужен Оксане. Ни к чему это ей. Тем не менее первая любовь закружила его, тогда еще паренька, и в душе след оставила.

– Как она, не знаешь? – спросил Бабенко, чувствуя, что голос выдает его волнение, но справиться с собой он не мог. – Я когда приезжал, ее не было. Я и спрашивать не стал. Подумал, что не стоит.

– Да, ты прав, конечно, не стоило, – согласился Остап и налил по третьей. – Не получилось бы у вас ничего, это уж точно.

– Ну, давай за Оксану тогда, – печально улыбнулся Бабенко. – Пусть у нее все будет хорошо.

– Нет, – неожиданно возразил Остап и медленно покачал головой. – У нее сын родился, Сеня. Хороший парень. Был. Погиб в сорок первом. А Оксана, как похоронка пришла, слегла. У нее воспаление легких случилось – простыла во время дождя, когда заводи с эшелона ставили. Так и не поднялась. Так что... помянем, Сеня. Молча и не чокаясь.

Митинг был в самом разгаре, страсти накалялись. Поселок Выпасное, расположенный неподалеку от Харькова, насчитывал уже больше двух сотен домов, разросшись за последние двадцать с лишним лет после того, как там поставили мельницу, устроив запруду. Потом рядом с мельницей появились кузни и постоянный двор, где путники могли отдохнуть, перековать лошадей и починить свои возы и тарантасы. Старенькую церквушку, стоявшую здесь с незапамятных времен, восстановили всем миром, зачинщиком этого события был молодой батюшка

Иннокентий. Но потом свершилась революция, и покати́лась по необъятным просторам страны гражданская война. Почувствовав своеволие, ощутив поддержку большевиков, самые низшие слои, самые бедные, решили, что они теперь будут править миром. Править по-своему, без учителей и советчиков. А кто главный советчик в селе? К кому всегда приходят за помощью и поддержкой в трудную минуту? Конечно, к священнику! Нашлись люди, решившие сменить ориентиры. Горластые, жаждущие повиновения и власти, считавшие себя вправе менять не только свою жизнь, но и жизнь других людей.

– Люди, побойтесь Бога! – громко кричал отец Иннокентий. – Не Богом ли благословлены вы при рождении? Не именем ли Его крещены? Не с Его ли напутственным словом уйдете вы в мир иной?

– Хватит дурманить народ, попы! – орали в толпе люди с раскрасневшимися от самогона лицами. – Сами править будем своей жизнью! Большевики нам теперь указ, а не попы!

– Люди добрые, никогда церковь не стремилась к власти над людьми! Она есть покой в душе, и светлые мысли ваши...

– Твою мать! – проорал кто-то сзади, и в окна церкви полетели камни. Со звоном разбилось стекло.

Женщины плакали, верещали маленькие дети. Церковный сторож Матвейч, хромя на единственной ноге и стуча по камням деревянным самодельным протезом, вышел перед мужиками, размахивая клюкой.

– Я оставил ногу в галицких полях! Кто меня попрекнет, что я не от плоти и крови? Посрамитесь!

Брошенный кем-то камень угодил старику в живот, и он, согнувшись пополам, упал. Часть мужиков кинулась к инвалиду, но еще большая часть ринулась к церкви. Отец Иннокентий упал, сбитый с ног, мелькнула какая-то тряпка, бутылка керосина. По деревянной стене начал расплзаться огонь, вылизывая сухое дерево, ставни и резные наличники. Истошно закричала баба, воздух разорвали хлесткие выстрелы наганов. Многие побежали с площади.

Когда люди расступились, в отблесках адава огня, пожиравшего церковь, остался лежать отец Иннокентий, упрямо выставивший вверх кадык и черную как смоль бороду. Из виска струилась яркая кровь и стекала на камни и песок. И там, смешиваясь с грязью, становилась темной.

Сеня Бабенко смотрел на убитого, на его кровь, на то, как она менялась, пока мать за руку не утащила его домой. А вечером скрипнула дверь, в горнице раздалось шушуканье. Сеня отодвинул занавеску и увидел Оксану, младшую сестру отца Иннокентия, молодую двадцативосьмилетнюю женщину. Оксана закрывала ладонями лицо и трясла головой. Платок сполз с ее головы на плечи, волосы были растрепаны.

– Ничего, дитяtko, – шептала мать, прижимая к себе Оксану. – Время такое, страшное. Никуда не уходи, живи тут. Не дам я тебя в обиду. Все перемелется – мука будет. Жить надо все равно, даже после такого. Оставайся у меня, прокормимся.

Глава 2

Алексей стоял на броне танка и смотрел на горизонт впереди. Там, за полем, за лесом, – вражеские позиции. Но там еще и земля его Родины, которую помял, затоптал сапожищами ненавистный враг. И этот враг еще силен, он еще тужится сломить сопротивление Красной Армии. Но лейтенант Соколов уже понял, что бить фашистов он умеет. И что вся армия, весь народ не склонили головы, не бежали, а достойно приняли удар в 41-м. И теперь близок момент, когда враг будет сокрушен. «Погоним, прогоним», – шептал Алексей.

– По машинам! – раздавались неподалеку голоса командиров взводов.

Экипажи занимали свои места. Рядом в танковом окопе «Зверобоя» угрюмый Бабенко обходил свою машину, осматривая катки и гусеницы. Что он мог рассмотреть в темноте, непонятно. И вообще какой-то Семен Михайлович не такой в последнее время. Омаев с Колей Бочкиным чему-то посмеиваются, поправляют маскировочную сеть над башней. Логунов подошел к командиру и встал рядом, поглядев на нейтральную полосу.

– Ну что, сегодня многое решится?

– Многое, если не все, – согласился Соколов.

– А ведь я замечаю, что фриц в последнее время не такой. Выдохся он. Ты заметил, командир, что и возраст поменялся в вермахте? Раньше какого возраста был средний солдат у них? Двадцать пять – тридцать лет. Матерые, Европу прошли. Наглые, самодовольные. А теперь у них полно пацанов по восемнадцать лет и мужчин старше сорока. Что это значит? Не надо быть великим стратегом, чтобы понять: у них ресурсов не хватает, и людских в том числе.

– Просчитались они, – согласился Соколов. – Уверены были, что мы лапки поднимем уже через два месяца. Ни техники у них не было, рассчитанной на войну в зимних условиях, ни одежды, ни нефти для производства горючего. А его надо очень много для такой войны. И запала у них уже нет. Ты помнишь того гауптмана, которого мы по пути сюда взяли в плен? В сорок первом они грозились сбрить всех под корень, чтобы и следа от советского народа не осталось. А теперь жизнь вымалывают, навоевались. Думали, мы слабые, с нами будет легко справиться, как с Францией и Польшей.

Лейтенант Соколов и старшина Логунов о многом догадывались, просто опираясь на свой опыт и наблюдательность – второй год все-таки на передовой, в самой гуще боев. Догадывались, хотя и не знали, что многие немецкие генералы были против проведения операции «Цитадель». Не было у групп армий «Центр» и «Юг» достаточных сил для такой масштабной операции. Не было превосходства ни в людях, ни в артиллерии, ни в танках, ни в авиации. Были подозрения, что произошла утечка информации, и советское руководство уже осведомлено о планах Германии на этом участке фронта... Но бойцы не знали и о том, что фюрер настаивал на этой операции, не слушая своих генералов и фельдмаршалов. Гитлер чувствовал, что упускает инициативу, что наступает крах, и пытался всеми силами отсрочить свой конец. Гитлер не знал, не хотел знать и верить в то, что после нового поражения его армия уже не оправится. Фанатичная вера в собственный гений снова подвела фюрера. И сегодня, 5 июля, первыми разорвут ночную тишину отнюдь не немецкие орудия.

В 2 часа 20 минут ночное небо взорвалось огнем, всполохи осветили низкие облака – с закрытых позиций начала бить тяжелая гаубичная артиллерия. От грохота сразу у всех заложило уши. А потом торжествующе взвыли «Катюши», и небо прочертили дымные следы сотен реактивных снарядов. Для врага это было ошеломляюще. Советская артиллерия нанесла свой удар всего за десять минут до немецкой артподготовки. Ударили и по артиллерийским позициям, и по штабам, и по колоннам, развернувшимся для наступления. Атака была страшна своей неожиданностью.

Алексей стоял на башне своего танка и с восторгом смотрел на разгорающееся зарево на западе. Там снаряды крушили и уничтожали врага, неся ему смерть и ужас. И было в этом ощущении некое упоение. Злость и радость смешались, заставив душу ликовать, а кровь – кипеть от желания самому кинуться в бой.

А потом повисла тишина. И все, кто был не на передовых позициях, замерли в ожидании. Что же будет дальше? Враг сокрушен? Последует приказ идти в атаку самим? Но каждый командир и красноармеец понимал, что удар, каким бы сильным он ни был, не сможет уничтожить всех врагов. Бой неизбежен. Но каким он будет? Какой урон нанесет фашистам?

Небо разгоралось утренним светом и расплывалось тишиной. Алексею показалось странным, что еще не запели первые птицы. Даже в траве не шуршала мышь и не бегали юркие ящерицы. Алексей не отдавал себе отчета, что еще рано для птиц, просто мозг в данную минуту не выносил тишины. Это была страшная тишина в ожидании смерти – большой смерти, смерти тысяч людей. И эта тишина висела в воздухе, выматывая, заставляя нервы напрягаться до предела. Соколов посмотрел на наручные часы – стрелки показывали 4.35 утра.

И тут случилось неожиданное. Воздух снова разорвал грохот выстрелов сотен орудий, по небу с торжествующим ревом понеслись реактивные снаряды «Катюш». Снова огонь и смерть обрушились на головы фашистов. Советская артиллерия нанесла второй удар по немецким войскам.

Алексей надеялся, что немцы не станут атаковать после таких ударов, но атака все же началась, запоздав, как выяснилось позднее, на два с половиной часа. Силы у фашистов еще имелись. Глупо было надеяться, что справиться с врагом будет легко.

Когда немцы начали свою артподготовку, Соколов поспешно забрался в башню «Звезробоя». Земля дрожала и стонала от разрывов. То и дело по броне стучали отлетавшие комья земли и камни, отброшенные взрывами вражеских снарядов. Алексей прикинул к перископу. Скоро враг пойдет в атаку. «Куда будет нанесен наиболее сильный удар? Все ли я предусмотрел? – думал молодой лейтенант. – Но система обороны полностью продумана, а в атаке от меня и моих танкистов просто требуются мужество, меткость и храбрость. Вот и все. Ничего не изменить. Теперь только сражаться».

Соколов почти никогда не смотрел на часы в такие минуты. Какая разница, сколько продолжается артиллерийская подготовка? И когда разрывы смолкли, он снова отбросил люк и по пояс высунулся из башни с биноклем в руках. Так и есть, немцы перешли в наступление. На краю поля появились темные силуэты – шли легкие танки и бронетранспортеры. И было их много – на первый взгляд, около сотни. «Что-то слабовато, – подумалось Соколову. – Знают ведь, что у нас противотанковые орудия стоят на прямой наводке, бронейбойщики в первой линии окопов. На что рассчитывают? На то, что артподготовка уничтожила большинство сил?» Он посмотрел на передний край полка. Да, слишком много воронок среди окопов, много разрушенных ходов сообщений и стрелковых ячеек. А вот и позиции орудий: одно разбито, второе на боку, у третьего дымится орудийный дворик.

А немцы уже разворачиваются для атаки. Вперед, взревев моторами, устремились легкие танки, стреляя на ходу. Почти следом за ними, на расстоянии порядка двухсот метров, пошли бронетранспортеры с пехотой. Алексей понял, что враг не сошел с ума, он просто сменил тактику. Следом за танковыми и пехотными подразделениями из-за леса вышли «Тигры». А вот и самоходные орудия «Фердинанд». И снова эти странные новые немецкие танки, очертаниями похожие на наши «тридцатьчетверки» наклонной броней и формой башни.

«Тигры» и «Фердинанды» не пошли вперед. Они остались у самой кромки леса и начали бить оттуда по окопам, по огневым точкам. Бой разгорался. Передний край обороны ожил и поливал свинцом наступающих фашистов. Вот встал один танк, вот загорелся другой. Третий закрутился на месте с разбитой гусеницей. Еще минута, и кто-то из бронейбойщиков подбил его,

угодив патроном в моторный отсек. Машина вспыхнула, из люков полезли немецкие танкисты в черных комбинезонах. Двоих срезали пулеметчики, остальные укрылись за танком.

Соколов наблюдал, как танки его роты ведут огонь, каждый в своем ответственном секторе. Вот немецкие танки стали сбавлять скорость – не стали подходить ближе к окопам. Вперед бросилась пехота под прикрытием бронетранспортеров, но ее тут же прижали ружейным и пулеметным огнем. Немцы залегли. Было видно, как солдаты ползают в поисках естественного укрытия. Среди живых и убитых пляшут земляные фонтанчики от пуль. Кто-то начал окапываться.

До 41-го года, да и в 41-м еще, фашисты атаковали, надежно прикрываясь броней. Впереди шли танки, расстреливая с ходу огневые точки обороняющихся, утюжили их гусеницами, а потом в окопы вривалась пехота и добивала оставшихся в живых, тех, кто еще не отступил. Но с Красной Армией так не получилось. Советские солдаты не отступали, они умирали там, где стояли. В ход шли гранаты и бутылки с зажигательной смесью. И если противотанковую гранату, а тем более связку гранат до танка не получалось добросить, советские солдаты выполняли вперед, дожидались танк перед окопами и просто бросались с гранатами под гусеницы. Таких потерь в танках в столкновении с пехотой Германия еще не знала. А когда на вооружении Красной Армии появились еще и противотанковые ружья, тактику пришлось менять. Теперь вперед шла пехота, защищая свои танки от бронебойщиков, а танки шли следом, стараясь своим огнем расчистить путь пехоте. И теперь еще новое изобретение: легкие танки атакуют с пехотой, поддерживают ее непосредственно при соприкосновении с обороняющимися, а средние танки бьют с предельных дистанций, не подставляясь под огонь противотанковых пушек и бронебойных ружей. Такого Соколов еще видел. И этой тактике надо было противопоставить что-то свое.

А еще надо как-то сбить темп атакующих немцев. Пехота залегла, это хорошо, но когда выйдут вперед легкие танки и бронетранспортеры, она снова поднимется.

Фугасный снаряд разорвался у самого брестера. Алексей, укрывшись за крышкой люка, почувствовал тяжелый удар – массивный осколок! Еще несколько снарядов упало возле танковых окопов. Кажется, немцы поняли, что за неуязвимые орудия выбивают их танки, разглядели башни «тридцатьчетверок»! Укрытый в окопе танк очень трудно поразить, но рано или поздно немцы пристреляются и начнут выводить из строя машину за машиной. Этого допустить нельзя, надо маневрировать, менять позиции.

Мощный рывок, и первые танки начали утюжить передовые окопы на правом фланге. Завязалась рукопашная схватка. Соколов хорошо видел, как несколько бронебойщиков побежали по ходам сообщения на правый фланг, туда же направились расчеты пулеметов. «Нет, – подумал Алексей, – этим их не удержать. Еще полчаса, и атакующие танки выйдут во фланг обороне, а потом и в тыл». Он приказал Омаеву связаться с КП полка.

– «Третий», я – «Зверобой».

– «Зверобой», даю «Третьего», – ответил связист, и в шлемофоне загрохотало так, что Соколов чуть не оглох. Но через шорохи, хрипы и гром разрывов он все же расслышал:

– «Зверобой», у тебя ноги ходят?

– Так точно! Разрешите помочь третьему батальону?

– Правильно понял, «Зверобой», – одобрительно прозвучал голос командира полка. – Ликвидировать прорыв!

Теперь главное – быстрота и точность выполнения приказа. Соколов был уверен в своих командирах, опыт и слаженность во время боя уже не раз давали свои плоды. Решение пришло в голову мгновенно. Рельеф местности позволял выполнить задачу, используя фактор неожиданности. Если отвести танки назад, то в пыли и дыму, которые частично скрывают позиции полка, передвижение будет незаметно. Уйти за спинами 3-го батальона на крайний фланг, а

дальше опушка леса прикроет атакующие «тридцатьчетверки» от «Тигров» и «Фердинандов». Главное – не выскакать перед ними в поле, оставаться под прикрытием леса.

– «Коробочка-один», я – «Зверобой», – связался Соколов по радиии с командиром 3-го взвода. – Играешь в партере. Переносишь огонь на головные в прорыве, когда я выйду на галерку. «Коробочка-два» и «Коробочка-три» – за мной! Исходная – в квадрате семьдесят шесть на линии ориентиров восемь и двенадцать. Повторяю: на линии ориентиров восемь и двенадцать.

«Зверобой» пошел назад, выползая по аппарели из своего окопа. Развернувшись на месте, танк пошел назад за третью линию окопов между блиндажами. Четыре танка двух взводов выползли, развернулись и ушли следом за своим ротным командиром. Взрывы вспыхивали то тут, то там. Немцы били частым плотным огнем по окопам. Вполне можно было ожидать и второй атаки на центр обороны. Значит, надо торопиться. Смежными ударами, маневрируя, немцы могут прорвать оборону и выйти в тыл дивизии. Конечно, командование предполагает и такой вариант развития событий, наверняка есть и резервы, и дополнительные противотанковые силы, но все равно прорыва нельзя допускать ни в коем случае.

В густом кустарнике, изрытом промоинами и овражками, «тридцатьчетверки» развернулись в одну линию. Соколов хорошо видел, как идет бой на позициях третьего батальона. Пехотинцы подожгли гранатами и бутылками с зажигательной смесью уже пять танков, в окопах идет рукопашная, но немцы развернули в наметившийся прорыв дополнительные силы. Еще десяток танков, и группа бронетранспортеров пошла на этот фланг. Вот их и надо отвлечь первому взводу сильными огнем. Он тут же передал командиру открыть огонь по задним танкам – пусть у противника возникнет ощущение, что он атакован с двух сторон.

– Вперед!

Развернувшиеся в линию пять «тридцатьчетверок», набирая скорость, пошли вперед, ломая гусеницами кустарники и молодые деревья. Вместе с тем два взвода остановились и сделали залп по задним машинам фашистов, подходившим в район прорыва позиций пехотного батальона. Два танка остановились как вкопанные, еще один вспыхнул, как факел. Со вторым взводом Соколов повернул в тыл атакующим немцам, которые уже утюжили окопы, а третий взвод сделал еще залп. Вместе с ним со стороны центра начали стрелять три танка первого взвода.

Не прошло и пяти минут, как все десять танков были подбиты. Бронетранспортеры попятились назад, немецкая пехота стала разбегаться. Падали и падали под пулеметным огнем солдаты в ненавистных чужих мундирах. Немецкие танки не выдержали и стали отползать с линии окопов. Атака захлебывалась. Пять советских танков, зайдя с тыла, расстреливали врага в упор. Одна за другой начинали дымить вражеские машины. Подоспевшие с других позиций бронбойщики добивали бронетранспортеры, били в подставлявшие бока вражеские танки. Пехота бежала, а вслед ей били пулеметы – это поднялись в контратаку бойцы поредевшего батальона.

Поле перед окопами третьего батальона было уставлено дмящимися и горящими немецкими танками и бронетранспортерами, дым разносило ветром, накрывая тела убитых врагов. И в этом дыму можно было еще успеть сделать что-нибудь важное.

– «Коробочка-два», «Коробочка-три», слушай приказ! Встаете между подбитыми танками в дым и стреляете по «тиграм» на опушке. Бейте по гусеницам, по ходовой, сбивайте их с катушек. Выскочили из дыма, выстрелили, и сразу назад, прячетесь за подбитыми немцами, уходите в дым.

Подтвердив, что они поняли установку, два взвода развернулись и остановились среди уничтоженных немецких танков. Соколов опустил в башню и закрыл люк, прижавшись лицом к нарамнику перископа.

– Ну что, ребята, – переключившись на ТПУ, сказал он. – Теперь и мы поиграем в кошки-мышки, только в одиночку. Слушайте меня! Семен Михалыч, через лесок идешь напрямик.

Там в конце, у опушки, будет балка с покатыми склонами. Через нее немцы не пройдут. Выведете нас к этой балке, а потом – налево к опушке. Выйдем как раз в бок к «Фердинандам» и «Тиграм». Запоминайте. Первый выход у мыса на опушке. Видите его на карте? Логунов, покажи Бабенко... Три выстрела бронебойными, потом назад и вправо на двести метров к балке. Еще три выстрела, и возвращаемся к своим. Все понятно?

– Так точно, – задумчиво ответил за всех наводчик. – Сделаем. Только ты, Семен, постарайся сразу машину ровно поставить на «короткой». Тут будет каждая секунда на счету. Немчура тоже стрелять умеет. А против «Фердинандов» в лобовую нам не устоять. Да и у «Тигров» стоят зенитные пушки – восемьдесят восемь миллиметров!

– Я тебя подводил хоть раз? – тихо отозвался Бабенко.

– Вытащите нас назад, – не столько приказал, сколько попросил Алексей. – Сделаем как надо, и закончится на сегодня у немцев атака. Если сегодня не пройдут, то не пройдут уже никогда.

– Что с вами делать, дети мои, – усмехнулся Бабенко. – Вытащу. Хоть раз я вас не вытаскивал?

Интонация механика-водителя Соколову не понравилась. Что-то сжалось внутри от его слов. Вдруг подумалось, что Бабенко хоть и старше всех, но ему ведь едва за сорок лет. Он не намного старше Логунова. Но как-то изначально, с момента появления в экипаже Семена Михайловича, все приняли его искреннюю отеческую заботу. И что-то с Бабенко в последнее время происходит неладное. Опыт войны Алексею подсказывал, что многие люди предчувствуют собственную смерть. Как часто перед боем он видел у бойца потухший взгляд, апатию или вот такую грусть и тоску в глазах. Хотя у Бабенко была в глазах не тоска, а вина. Что-то он такое вспомнил из своей жизни, какие-то новости получил, и это резко изменило его настроение. Ведь всегда он был добродушным, улыбчивым, невозмутимым...

«Не о том думаешь, командир, – остановил сам себя Соколов. – Сейчас бой, рискованная операция!»

– Вперед! – приказал он и, откинув крышку люка, высунул голову из башни.

Поле гудело и грохотало. Отойдя с этого фланга, фашисты усилили нажим на другом – теперь немецкие самоходки переместились на левый фланг полка. И тут же две их машины встали. Вон и «Тигр» загорелся, получив снаряд в борт.

Соколов посмотрел на свои танки. Экипажи действовали умело. Танки выскакивали из дыма то по одному, то по два, останавливались и делали по два выстрела, а потом снова уходили в дым, в летящую в воздухе копоть от чадящих немецких танков.

Сработало! Первыми остановились «Тигры», затем развернулись в сторону «тридцатьчетверок» и «Фердинанды». Сделав несколько выстрелов, немцы замерли, не видя противника. Но «тридцатьчетверки» не показывались. Немцы стреляли вяло, скорее просто наугад.

Вдруг вспыхнул у них танк, который раньше стоял и просто дымил. Снаряд от самоходки угодил в моторный отсек, и танк взорвался. «Тридцатьчетверка», прятаясь за немецким танком, осталась цела. Соколов мысленно похвалил экипаж за умелые действия.

И тут же ему пришлось прикрыть люк и спрятать голову. «Зверобой» вошел в лесок и пошел зигзагами, выбирая дорогу и по пути ломая кусты и тонкие деревья. Урчал двигатель, трещали ветки и тонкие стволы, лязгали гусеницы. «Зверобой» шел и шел вперед, не сбавляя скорости, лишь разворачиваясь на узких и сложных местах. Теперь нужна была вся внимательность. Здесь можно нарваться и на немецкую пехоту, и на немецкие танки.

Фашисты тоже замыслили обходной маневр через лес. Они еще не знают, что это им ничего не даст.

Наконец впереди замаячил долгожданный ельник. Когда танк прошел просеку и можно было определить на глаз расстояние до оврага, Алексей сверился с картой и дал команду:

– Бабенко, приготовиться к повороту. Логунов, огонь бронейными по готовности. Позиция для первого выстрела – через сто метров. Бабенко, больше чем на полкорпуса из леса не выходить.

Все, еще пара минут, и он, лейтенант Соколов, ничего не сможет изменить. Все теперь зависит только от работы экипажа. Вмешиваться со своими приказами – лишь мешать действиям танкистов. Он может отдать только один приказ – отходить. И оценить ситуацию, когда это будет необходимо, следует как можно точнее. И наблюдать за общей обстановкой вокруг.

Пригибаясь в люке, чтобы его не задело ветвями деревьев, Алексей смотрел вперед, оценивая расстояние. Бабенко снова показал себя мастером своего дела.

– Вася, выхожу на «дорожку», – послышался сдавленный голос Бабенко, работающего рычагами. – Готовься.

– Бронейным! – тут же приказал наводчик.

– Есть бронейным! – голос заряжающего прозвучал весело и задорно.

«Хороший парень», – успел подумать о Коле Бочкине Соколов. Хотя до войны Логунов ухаживал за его матерью, пожениться они не успели, да и сыну мать не успела рассказать о своих отношениях с Василием. А тот все равно узнал, и ведь Колька принял Логунова, понял, что речь идет о счастье матери. И правда, Василий стал ему вторым отцом. Здесь, на войне, это важно, для молодого парня особенно. Да и для Василия важно, ведь Колька ему тоже как сын. Он ребенок женщины, которую он любит.

Ветви били по башне, по перископу, и наконец показалось чистое небо. Танк остановился, качнувшись несколько раз на амортизаторах вперед-назад. «Молодец, Бабенко, – с удовлетворением подумал Алексей. – Грамотно вышел». Сейчас «Зверобоя» совсем не видно со стороны поля. Нижние ветви большой ели скрывают почти весь корпус. И башню не всю видно. А прицел наводчика свободен, и орудие торчит из ветвей, не бросаясь в глаза. Так можно сделать и два, и три выстрела, пока тебя засекут.

– Стреляй! – гаркнул Логунов со злорадством.

С гулким звоном орудие выстрелило, вылетела гильза, и башня стала наполняться дымом. Но вентиляторы послушно заработали, вытягивая пороховые газы. Тут же, по команде Логунова, заряжающий загнал очередной снаряд в казенник. Ай да Логунов, ай да Василий Иванович! С первого выстрела подбил «Тигра»! И не крайнего – не привлек внимание к этому флангу, – а того, который почти в центре. Разбил ему ведущий каток. Немец закрутился на месте, не успев сбросить газ. Когда немецкий танк повернулся боком, Логунов всадил ему бронейный снаряд в башню. Танк замер. Третий выстрел, и самоходка, шедшая рядом с подбитым «Тигром», остановилась, потянуло дымком откуда-то со стороны трансмиссии.

– Назад, Семен! – азартно заорал Логунов.

«Тридцатьчетверка» дернулась, попятилась, лязгая гусеницами. Ветви большой ели послушно опустились, прикрыв то место, где только что стояла боевая машина. Сейчас гитлеровские танкисты будут смотреть по сторонам, пытаясь понять, откуда их обстреляли.

Но советские танки снова стали выскакивать из дыма и бить по «Тиграм» и «Фердинандам» на опушке. Еще две вражеские машины замерли, а остальные начали пятиться, отползая с линии огня, огрызаясь, плюясь огнем. Стали откатываться и атакующие силы со стороны центра и левого фланга обороны полка.

Танки заняли свои окопы. Быстрый осмотр показал, что у двух машин надо менять траки гусениц и каток. Еще у одного танка полетела тяга фрикциона. Но это не очень серьезные поломки, исправить повреждения можно было своими силами. Отдав приказ немедленно заняться танками, Соколов поспешил на командный пункт полка, куда его вызвал майор Кузнецов.

– Разрешите? – Алексей вскинул руку к шлемофону. – Товарищ майор, лейтенант Соколов по вашему приказанию прибыл.

– Заходи, Соколов. – Командир полка оторвался от карты и подошел к танкисту. Уставшие запыленные командиры тоже повернулись к вошедшему. – Как тебя благодарить, не знаю. Командованию твоему сообщу. Ты сегодня полк спас, танкист! Думаю, до завтра немцы не сунутся, крепко вы их угостили.

– Да я-то что?.. – смутился Алексей. – Весь батальон поднялся в контратаку.

– Скромность украшает командира Красной Армии, – улыбнулся майор. – Но перебарщивать с ней не стоит, надо реально оценивать ситуацию и свое место и участие в ней. Это поможет не совершать ошибок в дальнейшем.

– Разрешите предложить, товарищ майор? – Соколов стащил с головы шлемофон и пригладил русые волосы. – Я одну штуку придумал сегодня, когда мы на правом фланге отбивались, когда я свои танки в дым поставил. Там в лесочке есть удобные проходы. Когда немец завтра снова начнет атаковать, я со своими танками открою огонь по ним из лесочка, а потом отойду. Они кинутся вдогонку. По тем путям – а их в лесу немного – они пройдут и нарвутся на минные поля, которые можно устроить за сегодня.

– Хорошая мысль. Но не своевременная, – вставил кто-то из офицеров.

– Простите, не понял... – Соколов повернулся на голос, но майор Кузнецов положил ему руку на плечо и тихо сказал:

– Мы отступаем, лейтенант. Таков приказ.

– Как отступаем? – Алексей вытаращился на командира полка так, будто увидел привидение. – Почему? Мы ведь отбили атаку! И еще отобьем, ведь у полка есть силы и...

– Это необходимо не потому, что мы не устояли. Фашисты прорвались справа и слева. Наши части отошли назад на тридцать пять километров и закрепились там на рубежах. На заранее подготовленных рубежах, Соколов. Если мы не отойдем вместе и слаженно, враг может пройти в тыл и действовать в пределах полосы нашей обороны, нарушая коммуникации и управление войсками. Это даже не отступление, а осмысленный отвод войск. Временный отвод. Смена позиций.

Алексей кивнул, соглашаясь с доводами и показывая, что все понял. Но перед его глазами лежали погибшие красноармейцы в развороченных окопах. Он вспоминал подбитые немецкие танки и то, как под гусеницы бросались солдаты со связками гранат. Он помнил рукопашные схватки на второй линии окопов, где немцам так и не удалось закрепиться ценой героизма и жизнью десятков советских людей. Третий батальон понес самые серьезные потери.

– Не о том думаешь, Соколов. – Командир полка посмотрел молодому танкисту в глаза. – Погибших вспоминаешь? Так вот, я тебе скажу одну простую истину: не бывает на войне напрасно погибших. Каждый, кто погиб в бою, убивал врагов. И те, кого он убил, уже не пойдут по нашей земле, не поднимут оружие против нашего народа. Они уже никого не убьют. Вот так, танкист... Но это еще не все – тебе будет поставлена особая задача.

– Слушаю, товарищ майор. – Алексей как будто опомнился. Он снова выпрямился и посмотрел на командира полка прямо и уверенно.

– Твоя рота будет прикрывать отход полка. Чтобы нам удалось оторваться от врага, ты должен продержаться несколько часов. С тобой останутся стрелковая рота, пулеметный взвод и мотоциклетная рота автоматчиков. Командиром сводной группы я назначаю заместителя командира первого батальона капитана Вяземского. В полночь полк тихо снимется с позиций и маршем отойдет на новые позиции. До полуночи командирам подразделений необходимо обеспечить скрытую подготовку. Ваша задача, Вяземский, продержаться завтра до полудня или до получения по радио сигнала «Бирюза».

– Если сигнал не поступит? – Вперед вышел молодцеватый капитан с седыми висками. Левый рукав его гимнастерки был порван и аккуратно зашит.

– Если сигнала не будет, тогда в двенадцать часов пополудни отходите самостоятельно. Еще вопросы есть, товарищи?

Соколов и Вяземский вышли из блиндажа. Капитан вытащил из кармана изящный портсигар, раскрыл его и протянул танкисту.

– Спасибо, я не курю, – покачал Алексей головой.

– Ну и правильно, – хмыкнул капитан. – Что ж, лейтенант, до темноты у нас с тобой осталось часа четыре. Надо определиться с диспозицией – перемещаться придется ночью. Что ты там рассказывал о своем плане засады в лесу? Покажи на карте.

Вяземский развернул карту на бруствере. Соколов наклонился к карте и стал водить пальцем.

– Это вот овраг. Вот здесь, на этой кромке леса, мы их уже атаковали сегодня. Не уверен, что немцы поняли, откуда велся огонь, – там густой ельник, да и мои ребята со стороны поля били по ним основательно. А если они решат, что мы не станем повторяться? Может, стоит повториться, ударить именно отсюда, когда они пойдут в атаку?

– А может, на другую сторону оврага? – предложил капитан. – Если устраивать представление, так уж по полной программе, а? Обойдешь овраг, возьмешь с собой мотоциклистов – это же целая мобильная рота! Вот тут и вот тут, где немецкие танки смогут войти в лес и начать преследовать вас, устроим фугасы. А вот здесь, на второстепенных путях, поставим противотанковые мины и чуть-чуть противопехотных. Много поставить не успеем, да это и не нужно – после первых подрывов они остановятся и не рискнут идти дальше, а разминировать у них у самих времени нет.

– С автоматчиками, говорите? – задумчиво потер подбородок Соколов. – Это совсем другое дело. Ударим прямо в тыл атакующей группе. Удар, и сразу отход. Наверняка они будут преследовать двумя путями. Вот и нарвутся... Но вы-то как? С одной стрелковой ротой будете держаться? Мы ведь всех на себя не оттянем, не купятся они на это.

– Ничего, – усмехнулся Вяземский, продолжая рассматривать карту и оглядывая местность впереди. – Во-первых, у нас не только стрелковая рота, но еще и пулеметный взвод. Дадим хорошую плотность огня – они головы не поднимут! А во-вторых, я заберу у полка все оставшиеся бронебойщики, а это двадцать три ружья. И потом, фашисты к нам могут выйти только в обход минных полей, они уже поняли, где заминировано, а где нет. Вот здесь и сосредоточим большую часть своих сил. Неужто мы полдня не сможем поморочить фрицам голову? Они позже поймут, что нас здесь не полк, но к тому времени, глядишь, приказ придет. Или полдень наступит.

До наступления темноты все танки роты были исправны. Используя воронки после взрывов немецких снарядов большого калибра, пехотинцы помогли отрыть еще одну позицию для танков. Третью, запасную, Соколов подготовил с экипажами за последней линией окопов, используя рельеф местности. Всю ночь шла подготовка к бою.

Вяземский лично ползал в окопах и проверял сектора обстрела, инструктировал каждый расчет вместе с командирами – в предстоящем бою ошибка одного человека могла сломать все планы и привести к преждевременной гибели всей группы и невыполнению задачи.

Глава 3

Примерно в полночь на командный пункт, который после ухода полка стал командным пунктом капитана Вяземского, пришел лейтенант Мицура. Невысокий, с кривоватыми ногами кавалериста, он носил вместо пилотки казачью кубанку.

– Ну что, Степан? – Вяземский сразу отложил карту в сторону и посмотрел вопросительно на лейтенанта.

– Сделали, – сдвинув кубанку на затылок, заявил Мицура и, вытащив из кармана кроки¹, склонился над картой. – Смотрите, вот здесь, на пересечении тропы и просеки, – фугас. Дальше – на входе в лес с острого края очертания, потом южнее оврага, где Соколов устраивает засаду. Это у нас основные направления, по которым фрицы ринутся искать наши танки. Если вздумают искать обходные пути, сразу нарвутся на мины. Вот пять мест, которые их танкам и пехоте не миновать. Хоть на бронетранспортерах пойдут, хоть на мотоциклах, хоть на грузовиках. Я там ребят оставил караулить и наблюдать. Они же завтра и фугасы взорвут по команде и на мотоциклах вернутся.

– Как, Алексей, хорошо сделано? – Вяземский посмотрел на Соколова. – Ты там был, местность знаешь.

– Годится, – ответил Алексей. – Все правильно. Получат по морде как следует – дальше не сунутся, побоятся... Значит, я оставляю на позициях в окопах два танка. Если со стороны наших окопов не будут стрелять пушки, немцы не поверят, что полк остался и держит оборону. А с остальными шестью машинами атакую вот отсюда, ориентиры – правый отрог оврага и небольшое возвышение с одиноко стоящим деревом. Возвращаемся этим же путем.

– Хорошо, ребята. – Капитан раскрыл свой портсигар, задумчиво вытянул из него папиросу и стал разминать ее и постукивать мундштуком по столу. – Думаю, мы не ошибаемся. Атакуйте на самом начальном этапе, сбейте темп.

Рассвет Соколов встретил на северной опушке леса. Сидя в люке башни, он смотрел на небо и на свой экипаж, который умывался возле левой гусеницы «Зверобоя». Грустно улыбаясь, Бабенко поочередно поливал из кружки спины и шеи своих товарищей. Логунов солидно кряхтел, растирая кожу. Омаев и Коля Бочкин смеялись и брызгались во все стороны водой, как щенки под краном с водой во дворе деревенского дома – эта картина почему-то сохранилась в памяти Алексея еще с детства, когда он под Куйбышевым отдыхал в деревне у бабушки.

Еще немного, и танки войдут в лес. Будет достаточно темно, чтобы пройти редколесьем, лесными дорогами до оврага. Поведет роту мотоциклист из взвода Мицуры. Вон он устроился в люльке своего мотоцикла, ноги выставил и посапывает, горя не ведает. Второй взвод стоит среди окопов, остальные машины – с Алексеем на опушке. Соколов понимал, как мало у них сил. Полк едва держался, а тут бойцов – всего ничего, по числу меньше батальона. Но приказ есть приказ, и каждый готов его выполнять, каждый сосредоточен. А то, что мотоциклист дрыхнет в люльке самым безмятежным образом – так это только видимость. Автоматчики всю ночь готовили свои мотоциклы, чтобы техника утром не подвела. И пулеметный взвод старшины Борщева – молчуна, слесаря с завода «Красное Сормово» – тоже всю ночь готовился. С какой заботой они обращались со своими «максимами»! Воду готовили, чтобы, когда она закипит в кожных пулеметов завтра от беспрерывного огня, ее можно было залить.

– Командир! – позвал Соколова снизу Логунов. – Как насчет НЗ? А то воевать на голодный желудок скучно будет.

---

¹ К р о к и (фр. *croquis: croquer* «чертить, быстро рисовать», несклоняемое сущ., ср. род) – карандашный набросок, чертеж местности, выполненный с помощью глазомерной съемки и привязанный к ориентирам в градусах и метрах.

В пять часов утра заурчали танковые двигатели, мотоциклист из взвода Мицуры завел свой мотоцикл, и колонна тронулась. Впереди пять мотоциклов, из которых два с ручными пулеметами, потом «тридцатьчетверки», остальные семь мотоциклов взвода замыкали шествие.

До оврага колонна добралась без приключений. В лесу было еще не очень светло, но за мотоциклами танки шли уверенно. Миновав первый поворот, на котором были установлены фугасы, колонна начала огибать овраг. Через десять минут танки и мотоциклы стояли на исходной позиции.

Соколов смотрел на лес впереди, из-за которого должны были появиться немцы. Почему не было еще одной атаки вчера? И почему они медлят сегодня? Может быть, что-то не ладится у фашистов на этом участке, или, наоборот, видя, что наши части отходят, они ушли в прорыв и не торопятся расправиться со строптивым командиром, держащим оборону?

И тут, как бы в ответ на его мысли, за лесом впереди загрохотало так, что гул отдался в землю под гусеницами советских танков. И снова на передовые позиции полка обрушился град снарядов. Земля вздыбилась, вспухла грязными безобразными всплесками, окопы затянуло дымом и пылью. То и дело в страшном облаке вспухали огненные вихри. Наверняка Вяземский успел отвести своих бойцов назад, он ведь предполагал, что наступление врага начнется опять с артподготовки. Снова и снова обрушивался огонь, снова взлетали в воздух земля и обломки бревен. Да и сам воздух стал плотным, пыльным, удушливым, наполнился гарью, смрадом и смертью...

Огненный шквал прекратился так же неожиданно, как и начался. В тишине, повисшей над полем, стал слышен сплошной тяжелый гул десятков, а может, и сотен моторов. Алексей невольно поежился – уж слишком маленькой силой представляются его шесть танков против той армады, что сейчас выползет из низины впереди, выстроится в несколько линий и поползет, двинется на позиции полка.

Убивать, давить, уродовать! Соколов поднял руку, сидя в люке танка: «Всем приготовиться!» Немцы выкатывались из низины и разворачивались в атакующий строй, растягиваясь по полю. Но в этот раз они не стали использовать вчерашнюю тактику. А еще лейтенант не увидел у них самоходок, были только бронетранспортеры, танки «Т-III» и «Т-IV». Значит, «Тигры», «Фердинанды» и еще новый тип танков пошли в прорыв, а здесь фашисты оставили более легкую технику. Хотя легкую ли? Последние модификации «Т-IV» никак нельзя было уже называть легкими. Это серьезный противник с усиленной броней и мощным оружием повышенной бронепробиваемости... А, нет, «Тигры» все же есть. Вон они, шесть штук в последней линии. Ищут «тридцатьчетверки», ибо только с этими советскими танками они могут сражаться на равных.

Немцы с ходу открыли огонь по советским позициям, чтобы остудить их пыл. Как и советовал Соколов, «тридцатьчетверки» третьего взвода, оставшиеся на позициях в танковых окопах, открыли огонь осколочно-фугасными снарядами. Несколько разрывов среди наступающих бронетранспортеров, и снаряд угодил в машину. Та вспыхнула, сверху стали прыгать солдаты, на многих горела одежда. Еще один взрыв, и встал второй бронетранспортер, накренившись вправо. Затем остановился танк. «Все, – подумал Соколов, – враг увлекся атакой, ищет огневые точки. Сейчас самый подходящий момент: перед нами тыл и вражеский левый фланг».

– Вперед!

Взревели танковые моторы, один за другим завелись мотоциклы. Шесть советских танков, замаскированных на опушке, выстрелили бронебойными снарядами. Били в моторные отсеки, в борта. Сразу встали два «Тигра», задымил третий, продолжая тем не менее двигаться вперед. Второй залп повредил еще четыре немецких танка. И вот теперь, ломая ветки, из леса вырвались «тридцатьчетверки». Били пулеметы, автоматчики косили очередями спешившихся немецких солдат. Фашисты заматались по полю, а «тридцатьчетверки» все били и били, тан-

ковые пулеметы не умолкали, заливая поле свинцовым дождем. Уже полтора десятка вражеских машин дымились и горели. Атака замедлилась, командир немецкой группы растерялся, не понимая, какие силы вышли ему в тыл.

Немецкая болванка чиркнула по башне «Зверобоя». Еще один снаряд попал в соседний танк, Соколов увидел, как брызнули искры.

– Разворот!

«Тридцатьчетверки» по команде дружно повернули и понеслись назад к лесу. За ними развернулись и мотоциклы.

И тут вздрогнул, как живой, и резко замедлил скорость один из танков первого взвода. Из мотора потянулся дым. Взрывом вражеского снаряда опрокинуло два мотоцикла. Трое автоматчиков остались лежать, раскинув руки и ноги. Еще один, прихрамывая, подбежал к товарищам, его втащили в люльку подоспевшей машины. Подбитая «тридцатьчетверка» развернулась к врагу и открыла огонь. «Эх, ребята...»

Соколов видел, как к танку подкатили два мотоцикла, автоматчики вытащили из люка и уложили в люльку механика-водителя. Мотоцикл понесся к лесу. И тут «тридцатьчетверка» взорвалась – детонировал боезапас. Башню танка сорвало и отбросило в сторону. Соколов посмотрел в перископ. Никого, только горящий танк и перевернутый, объятый пламенем мотоцикл. Не успели...

Мимо пронесся мотоцикл Мицуры, лейтенант кому-то энергично махал рукой. Танки один за другим втягивались в лес. Обгоняя их, между деревьями мелькали мотоциклы. Вот показались автоматчики, которые должны будут взорвать фугасы. Прошли вторую отметку. Теперь можно сбавить скорость. Враг уже не догонит, не пройдет огневую засаду.

Пока советские танки продвигались через лес в сторону своих позиций, четыре экипажа мотоциклистов ждали преследователей. Четыре оставшихся «Тигра» и с десятков других танков в сопровождении нескольких бронетранспортеров и пехоты вошли в лес по колее, оставленной «тридцатьчетверками». Это давало немецким танкистам надежду, что лес не минирован и что там, где прошли русские, пройдут и они. Хищно покачивая стволами орудий, танки шли по лесу, урча двигателями и выбрасывая серые хлопья дыма. Между танками ползли бронетранспортеры. За каждым бронешитком скрывалась голова пулеметчика. Враг надеялся, что вот-вот настигнет русских...

И тут случилось невероятное. Мощный взрыв буквально подбросил головного «Тигра». Взметнулась в воздух сорванная гусеница. От страшного взрыва у танка заклинило орудие, оно смотрело куда-то в сторону и вверх. Сорваны передние катки, разбиты амортизаторы и трансмиссия. Когда экипаж начал покидать танк, он вспыхнул, а следом раздался грохот – взорвались топливные баки.

Бронетранспортеры открыли пулеметный огонь по кустам, два танка попытались обойти погибшего собрата, но оба подорвались на противотанковых минах. Слева за деревьями прозвучали сразу два мощных взрыва. Старший офицер повернул голову и увидел, как над деревьями взметнулся огненный столб. Бешеная стрельба, раздававшаяся с той стороны, была, очевидно, панической и бестолковой. Стреляли только немецкие пулеметы и пушки, звуков ответа советского оружия не было слышно.

Это была настоящая засада, умело устроенная русскими. В результате этой засады часть танков погибла, часть оказалась запертой в чашобе, и теперь ей требовалось немало времени, чтобы развернуться и выйти назад. А сзади идет бой, там очень нужны танки! И нет никакой гарантии, что оставшиеся машины смогут вырваться из лесной ловушки...

Офицер и несколько пехотинцев, спешившиеся и решившие обследовать окрестности, подорвались на противопехотных минах.

Сержант-автоматчик, выскочивший на мотоцикле из леса, догнал колонну и доложил:

– Четыре танка, два бронетранспортера и человек двадцать солдат подорвались. Остальные пытаются развернуться и обстреливают каждый куст. Часа два они там проваландаются, товарищ лейтенант! Задние пятятся, но не очень удачно – два танка уже завязли в болоте.

Когда пять «тридцатьчетверок» заняли свои окопы и открыли огонь по наступавшим немцам, Соколов бросился ходами сообщения на командный пункт Вяземского. Капитан кричал в трубку полевого телефона, но его не слышали – видимо, в который раз был перебит провод. Молодой связист, коротко козырнув, схватил бобину с проводом и побежал в сторону окопов.

– Смотри, Соколов, смотри! – крикнул капитан, показывая рукой в сторону амбразуры блиндажа. – Выдохлись фрицы! Как твои подошли, как ударили из пушек, так и попятились! Смотри, сколько мои бутылками танков подожгли! У тебя как в лесу? Не пройдут сюда?

– Шесть танков и два бронетранспортера подбиты в лесу, на поле во время атаки – около четырнадцати. Я одну машину потерял. А твой Мицура – восемь человек и четыре мотоцикла.

– Плохо! – со злостью ударил кулаком по бревенчатой стене Вяземский. – И у меня здесь потери. Половина пулеметов вышла из строя. Бронебойщики еще держатся, но и они пострадали. И в стрелковой роте почти половина выбита. Вся надежда на твои танки! А нам еще как минимум одну атаку надо отбить, продержаться часа два. Может, отойдут и сегодня больше не сунутся...

– Сунутся, – мрачно пообещал Алексей. – Они не дураки, поняли уже, что нас тут мало. А зачем мы здесь? Ясное дело – прикрываем отход основных сил. Будут прорываться, чтобы на наших плечах нагнать основные силы и разгромить их в поле, где нет подготовленных позиций.

– Ты прав, лейтенант, – согласился Вяземский, глядя в бинокль в поле, куда отходили немецкие танки. – И вот тебе подтверждение. Они не уходят. Сейчас будет артолет или авиация. А потом снова атака. Отводи танки на третью линию.

«Тридцатьчетверки» попятились, пехотинцы побежали по ходам сообщения назад, пулеметчики стягивали с брустверов тяжелые станковые пулеметы. Только в трех местах оставались наблюдатели с полевыми телефонами, да дежурный связист на командном пункте.

Через десять минут в воздухе завывло, зашелестело, и на окопы первой линии обрушился град снарядов. Сплошным потоком проходили разрывы по всей линии обороны. Это была черная волна, которая взрывала землю, разносила укрепления, сносила все на своем пути. Такой плотности огня Соколов давно не видел. Он смотрел из люка «Зверобоя», то и дело пригибаясь и втягивая голову в плечи. До третьей линии окопов снаряды не долетали, но радоваться было рано – немцы вполне могли перенести огонь вглубь. Грохот стоял такой, что можно было оглохнуть, боль в барабанных перепонках чувствовалась даже в застегнутом шлемофоне. По броне ударил обломок бревна, большой камень врезался в башню, чуть левее пушки. Соколов поспешно спустился в башню и закрыл люк. Танк вздрагивал, как большое животное, которому в толстую шкуру вонзалась раскаленная сталь. И люди чувствовали боль машины, скрипели зубами, стискивая кто рычаги, кто ручки панорамного прицела. А снаружи вжимались в землю пехотинцы, и не было у них иного укрытия, иной защиты, кроме родной земли. Она их защищала от снарядов и осколков, и они лежа закрывали ее собой – израненную, обожженную, стонущую.

Огневой вал пошел дальше. Снаряды разрывались между танками. Соколов видел в перископ, как по ходу сообщения бежал, пригибаясь, Вяземский, поднимал солдат и толкал их вперед, во вторую линию, туда, где вот-вот появится враг. Там уже почти не рвались снаряды, но виднелись черные танки.

– Всем к бою! – прокричал Алексей. – Всем, я «Зверобой»! Всем к бою!

Сквозь пыль и дым он увидел, что горят два немецких танка – совсем рядом, метрах в двухстах впереди. И там же другие танки, перебегают солдаты в немецких мундирах. «Зверобой» выстрелил. Где-то в окопе снова мелькнула голова Вяземского, но уже без фуражки –

хорошо заметна была седина. А потом на том месте, где только что был капитан, разорвался снаряд.

– «Коробочка-два», на месте! Остальные – за мной, на левый фланг! – крикнул Соколов, понимая, что спасти положение может только чудо.

Он рисковал, это было смертельно опасно, но иначе врага было не остановить. Идти в лоб – верная смерть, бессмысленная и глупая. Нужно дезориентировать врага, заставить его озиаться, остановиться хоть на какое-то время.

Высунув голову из люка и осмотревшись, Алексей увидел, что правее горит танк командира третьего взвода. Не прошел даром огневой шквал, все же угодил снаряд в танк, стоящий в окопе. Снова потери, снова смерть.

«Тридцатьчетверка» выскочила на холм и дала два выстрела. Загорелся немецкий танк, взорвался и начал полыхать адским огнем бронетранспортер. Танковый пулемет косил пехоту, та залегла. Тут же несколько немецких танков развернулись в сторону отчаянного одинокого танка, возможно, последнего у русских на этом участке. «Тридцатьчетверка» попятилась и ушла за холм.

Через минуту советский танк снова появился, но уже в ста метрах левее и снова сделал два выстрела. Загорелся «Тигр», слишком глупо подставивший борт советской машине. Разъяренный немецкий командир погнал свои танки напролом через лесок и высокий кустарник, пытаясь обхватить русских танкистов с трех сторон, прижать их к болоту. И ему это удалось бы, но справа, со стороны сосновой рощи, ударили три танковых орудия. Два немецких танка тут же замерли, третий вспыхнул от попадания снаряда в баки. Немцы не успели опомниться, как «тридцатьчетверки» снова дали залп и подбили еще два танка. Огрызаясь огнем, немцы попятились. Они ничего не могли поделать с русскими, не видя их танки.

И вдруг выскочил тот самый первый танк, который так хладнокровно заманил врага в засаду. Снова выстрел, и разлетелась гусеница вражеского «Т-IV». Вторым снарядом русские добились поврежденный танк. Из двенадцати танков, бросившихся в погоню за одиночным русским танком, не вернулся ни один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.